

Эль огра Эрни

Александр Чуварлев

Александр Чуварлев

Эль огра Эрни

«Автор»

2026

Чуварлев А.

Эль огра Эрни / А. Чуварлев — «Автор», 2026

Кто варит эль, от которого не болит голова и не хочется драться? Огр Эрни из трактира «У Щербатого Пня». Его секрет прост: хмелю поют феи, бочки дышат под руками гоблинов, а в котле живёт древняя магия, доставшаяся от прабабки-ведуньи. Но покой нарушает таинственный Гнилушник, высасывающий жизнь из полей. Феи исчезают, хмель вянет, а в серой дымке над землёй чувствуется чья-то злая воля.

© Чуварлев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Эль огра Эрни

Часть 1

Глава 1, в которой хмель танцует с феями

Солнце только-только позолотило макушки Зачарованного Леса, когда Эрни уже стоял на опушке. Огр он был видный: ростом под два метра, в плечах косая сажень, но двигался с такой мягкой неторопливостью, что его часто принимали за крупного человека в не по размеру широком плаще. Ни свирепого взгляда, ни дубины, ни звериных повадок — только спокойная сила и небольшая, чуть кривоватая улыбка, которая пряталась в густой каштановой бороде. — Ну, красавицы, — сказал он негромко, обращаясь к Хмелевым Полям, расстилавшимся перед ним до самого ручья, — поглядим, кто из вас нынче певучее. Хмель у него был особенный. Сорт, выведенный ещё его прабабкой-ведуньей в те времена, когда огры в этих краях больше славились заклинаниями, чем кулинарией. Сорт назывался «Спокойной Ночи», и феи, обитавшие в полях, знали каждое растение по имени. — Эрни! Эрни пришёл! Голоса рассыпались над полем серебряной дробью. Из-под резных хмелевых листьев выпорхнула стайка — штук тридцать, не меньше. Крылышки у них были прозрачные, с лёгким изумрудным отливом, платица — из лепестков дикой вишни и сплетённой паутины. Самые смелые уселись на широкие плечи огра, на завитки его волос, а одна, по имени Розочка, устроилась на кончике носа. — Нюхай! — строго сказала она, топнув крошечной ножкой. — Нюхай, какой в этом году аромат! Эрни послушно втянул ноздрями воздух. Пахло мёдом, утренним туманом и чем-то ещё — тем неуловимым, что делало его эль элем, а не просто крепким напитком. Чем-то, отчего утром голова будет ясной, даже если выпил лишнего, а в груди — тепло и спокойно. — Славный урожай, — кивнул он. — Звонкий будет в этом году эль. Прямой, как струна. Феи одобрительно зажужжали. Они любили, когда их работу ценили. Всё лето они порхали между шишками, перешёптывались с каждой, рассказывали сказки, пели колыбельные — потому что хмель для эля Эрни должен был расти не просто так, а в счастье. Растение, которое слышало добрые слова, отдавало их потом в напиток. Сбор урожая был ритуалом. Эрни срезал шишки не ножом, а тупой костяной пластиной, чтобы не повредить сок. Каждую он подносил к губам и шептал одно и то же: — Спи спокойно. Проснись с песней. Феи слетались следом, проверяли, не слишком ли грубо, не обидел ли. Если шишка была сорвана с любовью, она светилась изнутри слабым золотистым светом. Плохих в этом году не было — только слабые, которые набрали мало солнца. Их Эрни складывал в отдельную корзину: из такого хмеля выходил простой эль, без волшебства, но честный и крепкий. Для тех, кто хотел просто напиток, а не исцелиться душой. Работа заняла весь день. К вечеру корзины были полны, феи утомлённо сидели на краю, свесив ножки, и лениво переругивались из-за самой крупной шишки. Эрни взвалил ношу на плечо, оглянулся на поле и тихо сказал: — Спасибо, маленькие. Без вас бы не справился. — Без тебя бы тоже! — хором ответили феи и, довольные, скрылись в сумерках, чтобы до следующего лета охранять отдыхающую землю.

Глава 2, где бочки учатся дышать

На заре, ещё до того как Эрни разогрел печь в трактире, к заднему крыльцу подкатила скрипучая телега, запряжённая двумя огромными лохматыми барсуками. Правил ими гoblin по имени Кряк. Кряк был маленьким, даже по меркам гоблинов — едва достигал колена огра, — но ширина его плеч и толщина рук заставляли усомниться в законах физики. Ладони его походили на две дубовые коряги, сплошь в шрамах, мозолях и въевшейся древесной смоле. Фирма называлась «Кряк и Сыновья: Бочки, Которые Поют», и располагалась в трёх милях

отсюда, в низине у Старого Ручья, где дубы росли особенные — с древесиной, которая помнила заклинания.— Эрни! — гаркнул Кряк, спрыгивая с телеги. — Принимай работу! Пять новых, три старых починил, одну пришлось сжечь — отжила своё, бедолага. Он хлопнул ладонью по ближайшему бочонку. Тот отозвался густым, сочным звуком, будто струна виолончели.— Слышишь? — Кряк довольно оскалился, обнажив три желтоватых зуба. — Дышит. Душа есть. Бочки для эля — это не просто тара. Для настоящего эля, волшебного, бочка — почти что мать. Древесина должна быть вырезана в новолуние, когда сок в дереве спит и не будет горчить. Сушиться — на северном ветру, чтобы впитала свежесть. И обжигаться — не огнём, а паром из отвара тех же хмелевых шишек, чтобы бочка с самого начала знала, какое ей предстоит хранить сокровище.— Давай посмотрим, — сказал Эрни, опускаясь на одно колено. Гоблины — народ обидчивый, особенно когда речь идёт о деле их жизни. Критиковать их работу мог только тот, кто сам когда-то держал в руках бондарный нож. Эрни держал. Лет двести назад, когда только начинал, он два года прожил у гоблинов, учился чувствовать дерево. Он провёл пальцем вдоль клёпок, постучал по днищу, заглянул внутрь через уторное отверстие. Внутри пахло лесом, молоком и чем-то далёким, вроде воспоминания о грозе.— Хороши, — вынес он вердикт. — В этих и эль запоёт. Кряк раздулся от гордости, чуть не лопнув от натуги, но сдержался, лишь кивнул с суровым достоинством.— А вон та, — он ткнул корявой рукой в самый маленький бочонок, с вычурной резьбой на крышке, — особенная. Сыну младшему доверил. Он в неё сердечко вложил. Резьба изображала сцену: огр сидит под деревом, а вокруг летают феи. Глаза у огра были вырезаны так, что, под каким углом ни посмотри, казалось — он на тебя смотрит и улыбается.— Передай сыну — ремесло в надёжных руках, — сказал Эрни, и гoblin, обычно скупой на эмоции, шмыгнул носом и отвернулся, делая вид, что разбирает упряжь.

Глава 3, где варево обретает имя

Само варение начиналось в полночь. Это было священнодействие, на которое никто, даже самые старые завсегдатаи трактира, не допускались. Эрни запирался на кухне, зажигал единственную свечу из пчелиного воска, и мир снаружи переставал существовать. Он снимал с пояса свой посох — не для битвы, а для дела. Посох был из орешника, с гладкой рукоятью, исцарапанной за многие годы, и наверху в виде крошечного чугунного котла. Эрни поставил его в угол у очага, чтобы тот слушал и запоминал. Вода приходила из родника за трактиром, который бил из-под корней того самого щербатого пня, давшего заведению имя. Пень этот был древний, ещё домовые садились на него, и вода в роднике была мягкая, с лёгким привкусом мха и талого снега. Эрни набирал её медными вёдрами, каждое нёс на левом плече, и на каждом шаге считал про себя до ста. Если сбивался — начинал заново. Вода должна была войти в котёл спокойной, размеренной, без суеты. Котёл был семейной реликвией. Чугунный брюхастый гигант, в котором могли бы искупаться три гоблина сразу, стоял на цепях над очагом. Его стенки помнили ещё прабабку Эрни, и за века они пропитались чем-то, что химики называли бы «сложными органо-минеральными соединениями», а Эрни называл просто — памятью.— Ну, здравствуй, старая, — сказал он, погладив шершавый бок. — Поработаем. Он засыпал солод — ячменный, собственного приготовления, пророщенный под присмотром полевых мышей (они умеют чувствовать момент, когда зерно самое сладкое). Добавил горсть овса для мягкости и немного пшеницы, чтобы эль потом пенился густой шапкой, похожей на облака над Лунными Лугами. Вода закипела. Эрни начал засыпать хмель. Не весь сразу, а порциями, и между каждой порцией ровно семь ударов сердца. Первая закладка — для горечи, чтобы эль не был приторным. Вторая — для аромата, чтобы кружка пахла лесом и полем. Третья — для того самого. Вот когда наступал черёд третьей закладки, Эрни доставал из нагрудного кармана маленький кожаный мешочек, который никогда не снимал даже во время мытья в бане. В мешочке лежали три вещи: сушёный лист папоротника, собранный в ночь Ивана Купалы; стеклянная бусина, внутри которой застыла капелька утренней росы с хмелевого поля; и щепотка пыльцы с крыльев фей,

которую они сами ему отдали в день летнего солнцестояния. — Ну, маленькие, — тихо сказал Эрни, всыпая хмель и следом содержимое мешочка. — Не подведите. Чтоб в этом году эль был честным. Чтоб пьяному — не буянить, хитрецу — не хитрить, а злому — войти и забыть, зачем злился. Он поднял правую руку, и кончики его пальцев слабо засветились голубоватым — простейшее заклинание, которому его научила бабка ещё в детстве. Эрни тихо пропел несколько слов на старом наречии, и котёл вспыхнул изнутри золотым светом — ровно на миг. Потом свет погас, и варево заурчало ровно, спокойно, как большой зверь, укладывающийся на зимнюю спячку. — Спи, — сказал Эрни, коснувшись посохом чугунного бока. — Набирайся. Варить предстояло три дня. Эрни не отходил от котла, спал тут же, на лавке, просыпаясь каждый час, чтобы помешать варево дубовым веслом (работа гоблинов, сорок лет назад сделанная, и всё ещё ни трещинки). В это время в трактире было тихо — он заранее предупреждал, что кухня закрыта. Самые понимающие клиенты приносили ему еду и тихо ставили у порога, не стучась. А на третий день, когда Эрни, утомлённый бессонницей, задремал на лавке крепче обычного, посох сам тихонько выдвинулся из угла. Орешниковая палка, поскрипывая, подошла к котлу, опёрлась на край и принялась водить веслом — медленно, ровно, в такт дыханию спящего огра. Деревянная рукоять ласково поблёскивала в свете очага. Эрни проснулся через час, увидел это, крикнул с удивлением, но не стал мешать. Только пододвинул табурет поближе, сел и, сложив руки на животе, наблюдал, как посох работает за него. С тех пор в каждом варении наступал момент, когда хозяин позволял себе отдохнуть, а верный посох брал помешивание на себя. На исходе третьего дня, когда эль переставал кипеть и начинал дышать — ровно, глубоко, как спящий младенец, — Эрни процеживал его через льняную ткань, сотканную его бабкой ещё при жизни. Потом разливал по бочонкам гоблинов Кряка, но не закупоривал сразу, а оставлял открытыми на ночь, чтобы впитали звёздный свет. — Всё, — выдыхал он, когда крышки наконец вставали на место. — Теперь ждать. Две недели, не меньше. А лучше месяц. Он спускался в подвал, где было прохладно и темно, и расставлял бочонки на дубовые стеллажи. Каждый занимал своё место, и Эрни знал их настолько хорошо, что различал по голосу: один гудел басом, другой звенел тенором, третий молчал, набираясь сил. Через месяц, в пятницу, ровно в полдень, Эрни впервые откупоривал новый бочонок. Это тоже был ритуал. Он поднимался из подвала с кружкой — огромной, почти в половину его ладони, из обожжённой глины, с нацарапанной на дне руной «Дом». Наливал не спеша, чтобы пена поднялась ровным венчиком, и делал первый глоток сам. Вкус растекался по языку тёплым мёдом, потом лёгкой горчинкой, потом — тишиной. Именно тишиной. Такой, какая бывает ранним утром в горах, когда туман ещё не сошёл, и мир кажется сотворённым только что, специально для тебя. — Хорош, — говорил Эрни, и посох в углу согласно блеснул начищенным наверху. Потом он открывал трактир. Первыми заходили старики, которым эль помогал забыть о болях в костях. Потом приходили молодые пары — для них эль делал вечера длиннее, а слова — нужнее. Потом забредали случайные путники, которых эль встречал как родных, снимая усталость с дороги и тревогу с сердец. А если кто-то, выпив лишнего, начинал хмуриться, искать ссоры или замышлять что-то недоброе — эль просто переставал действовать. Кружка вдруг казалась пустой, хотя наливалась полной. Вкус пропадал, оставалась только горькая вода. И человек, глядя в свою кружку, вдруг задумывался: «А зачем мне это? Кому от этого станет лучше?» И чаще всего не находил ответа. И шёл досыпать в угол, на мягкую лавку, а Эрни накрывал его пледом и тихонько пододвигал тарелку с горячим пирогом. — Ничего, — бормотал он, возвращаясь за стойку. — Завтра голова болеть не будет. А сегодня просто поспи. Он наливал себе вторую кружку, садился на высокий табурет у окна и смотрел, как закат красит Зачарованный Лес в цвет молодого эля. Феи уже спали в своих гнёздышках из хмелевых листьев. Гоблины Кряка доделывали последний бочонок перед сном. А в подвале трактира «У Щербатого Пня» тихо пели тридцать три дубовые бочки, и каждая — свою песню о том, что даже в этом непростом мире есть место

доброму хмелю, честной работе и спокойной совести.— Хорошо, — сказал Эрни сам себе, и кружка в его руке тепло отозвалась. За окном зажглась первая звезда. Трактир был открыт.

Глава 4, где тишина не приносит покой

Эрни проснулся от тишины. Обычно на рассвете, за час до того, как он спускался в трактир, за окном раздавался тонкий звон — это феи, возвращаясь с ночного дозора, перекликались у хмелевых кустов. Они любили дразнить его: садились на карниз, стучали крошечными кулачками в стекло, выкрикивали: «Эрни! Эрни, вставай, ленивый огр!» Сегодня было тихо. Он откинул одеяло, нащупал босыми ногами дощатый пол, подошёл к окну. Рассвет разливался над Зачарованным Лесом, как всегда, — золотисто-розовый, обещающий тёплый день. Но над Хмелевыми Полями висела странная дымка: не туман, не роса, а что-то серое, неподвижное, словно сама тишина обрела цвет.— Не нравится мне это, — пробормотал Эрни, и посох, прислонённый к изголовью кровати, тихо звякнул наверху, словно соглашаясь. Он оделся наскоро, даже не позавтракав, и вышел к полям. Первое, что он увидел, — хмель. Кусты, которые ещё вчера стояли зелёные и крепкие, сегодня поникли. Листья скрутились в трубочки, шишки, ещё не налившиеся до конца, побурели по краям. Эрни опустил на корточки, провёл пальцем по земле — сухая, хотя ночью должен был выпасть обильный росный туман. — Розочка? — позвал он негромко. — Мотылёк? Стрекоза? Никто не отозвался. Он обошёл всё поле, заглянул под каждый куст, туда, где феи обычно устраивали дневные гнёздышки из лепестков и паутины. Гнёздышки были пусты, некоторые — разорваны, словно обитатели покидали их в спешке. На одном, самом большом, где обычно спала Розочка, лежал её крошечный венок из вишнёвых лепестков — она никогда не снимала его даже во сне.— Посох, — тихо сказал Эрни, и верная палка, которую он захватил с собой, сама выскользнула у него из-за пояса, встала вертикально, чуть наклонившись к земле. Её наверху-котёлок слабо засветилось голубоватым. Эрни положил ладонь на посох, закрыл глаза и потянулся к полю той магией, которую унаследовал от прабабки-ведуньи. Не боевой, не для побед — для слушания. Земля под ногами отозвалась слабым, едва уловимым холодком. Кто-то прошёл здесь ночью. Не человек, не зверь. Что-то, что тянуло из земли тепло и влагу, а заодно — тот тонкий свет, которым феи питались и которым сами делились с хмелем.— Иссушитель, — выдохнул Эрни, открывая глаза. — Или хуже. Он сжал посох крепче и зашагал обратно в трактир. Надо было звать Кряка.

Глава 5, где гоблин приносит не бочки

Кряк появился к полудню, но не на своей обычной телеге, а пешком, запыхавшийся, без барсуков.— Эрни! — крикнул он ещё от калитки. — Барсуки не везут! Стоят, трясутся, носы в землю зарыли! Я уж и сам — дубак по спине, хотя солнце вон как печёт! Он подскочил к крыльцу, и только тогда Эрни заметил, что гоблин не просто встревожен — он бледен под своей зелёной кожей, а в руке сжимает что-то, завернутое в мокрый лист лопуха.— Глянь, — Кряк развернул свёрток. На листе лежала горстка хмелевых шишек, но не обычных — они были покрыты тонкой серебристой паутиной, которая слабо пульсировала, словно живая. — Это с моей стороны, у ручья. Всё поле плетением затянуло. Феи пропали. И вода в ручье... — он запнулся. — Вода чёрная стала. Эрни взял одну шишку, поднёс к носу. Пахло не хмелем, а сыростью и чем-то кислым, как от старого погреба, где перестояла капуста. Паутина на пальце не жгла, но холодок от неё пробирал до кости.— Кто это сделал? — спросил он.— Не знаю. Но барсуки чувствуют неладное. Говорят — под землёй кто-то ходит. Глубоко. И всё тепло сосёт.— Подземный гриб, — сказал Эрни после долгой паузы. — Гнилушник. Я думал, они перевелись после того, как старый лес вырубили. Кряк вытаращил глаза:— Гнилушник?! Так это ж... он же питается... — Сказочной росой, — кивнул Эрни. — Тем самым светом, что феи оставляют на хмеле. Если гриб пробрался под поля, он вытягивает всё. Феи без росы слабеют, хмель без фей вянет.— А феи-то где? — тихо спросил гоблин. Эрни посмотрел в сторону полей. Солнце уже клонилось к закату, но серая дымка над кустами стала гуще, почти непроницаемой.— Живы, — сказал он твёрдо. — Чувствую. Но где-то глубоко, под землёй. Спрятались. Если мы их не

найдем и не выгоним гриб — они не выберутся. Кряк помолчал, потом решительно стукнул кулаком по перилам крыльца:— Что надо делать?— Мне понадобится твоя работа, — Эрни посмотрел на гоблина с той спокойной уверенностью, которая за сотни лет выручала их обоих не раз. — Но не бочки. Другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.